

Телешов Николай Дмитриевич

Зоренька

Николай Дмитриевич Телешов

Зоренька

I

Возвращался с охоты царь Косарь. Охота была удачная, и Косарь развеселился. Бросил поводья, едет да поглядывает по сторонам, поглядывает да посвистывает.

- Сильней меня никого вокруг нету. И умней и вольней меня никого нету. Хочу - свищу, хочу - казню, хочу - дела делаю!

Ехал он лесной дорожкой.

Впереди бежали собаки, шли псари и хранители, по сторонам ехали дружинники, позади охотники и обозники со всяким добром. И вдруг среди леса повстречался им пустынный-звездочет, худенький седой старичок, о котором шла молва, будто он видит будущее и знает обо всем, что должно случиться.

Этот пустынный и предрёк царю Косарю, что есть на свете человек и умней его, Косаря, и сильней его, который сначала завладеет его единственной дочерью, а через год завладеет и всем царством его. Завладеть - завладеет, но себе не возьмет, а разделит его всем людям поровну. И человек этот скоро появится.

Не понравилось Косарю такое пророчество. Ничего не сказал он пустыннику, отъехал от него прочь, как будто и не слышал ни слова. Едет дальше, а сам всё думает: "Прийти-то, может быть, такой человек и придет... Но только унесет ли он от меня свою буйну голову?.."

И стал Косарь придумывать, как избавиться от людей, помышляющих завладеть его дочерью. Завладеть ею никто силою не может: достаточно могуч для этого сам царь Косарь. Завладеть ею можно только через замужество, а она как раз в таком возрасте, когда только и жди со всех сторон женихов. Да и красавицей уродилась дочка его любимая, Зоренька. Такой красоты ни сам Косарь никогда нигде не видал и от других никогда про такую не слыхивал - вот какая была Зоренька, дочка его, красавица!..

Только что вернулся Косарь домой и распоясаться еще не успел, как уж ему докладывают, что приехало трое молодых людей, один другого краше, один другого знатнее. Приехали они по делам, о которых говорить желают только наедине с самим Косарем.

"Вот и женихи тут как тут!" - подумал Косарь с неудовольствием.

Хотел было сгоряча прогнать их с глаз долой, но рассудил, что так выйдет неладно, да и посмотреть не мешает, точно ли они так умны, как говорил пустынный: умней самого Косаря!.. А отвадить их он сумеет и завтра и по-хорошему, на то он и царь Косарь, умная голова!

Принял Косарь молодых гостей с почестями, накормил, напоил и начал расспрашивать, зачем к нему пожаловали. Молодые гости прямо ему ответили, что приехали свататься за

дочку его, Зореньку. Но так как их трое, то просят они его, царя Косаря, самого выбрать зятя себе по душе. А ежели он не захочет выбирать, то будут они тогда биться между собой - до тех пор будут биться, пока из всех троих только один в живых останется.

- Это мне любо! - ответил Косарь, а сам про них подумал: "Ну, эти не великого, знать, ума! Пусть себе пока подерутся, а там видно будет!"

Облюбовали гости себе поляну в саду и назначили час поединка. Косарь немного спустя посылает узнать - как дела идут.

Вернулся посланец и доложил, что одного уж ухлопали: теперь только двое остались.

Подождал еще Косарь и опять посылает узнать: как дела?

- И второго сейчас уложили. Остается один, но и тот стал хромой, и все щёки у него в дырах, и рука перешиблена.

- Ну, так скажи ему, что царь Косарь очень сожалеет, но только хромой зять да еще весь в дырках ему не годится.

Так и отделался Косарь на первый случай от троих женихов. Но ненадолго.

II

Вскоре явились новые - сразу пять человек. Даже жутко стало царю Косарю.

"А вдруг среди них и кроется тот самый, который умней меня и сильнее меня? Что мне делать, как быть?"

Пригласил Косарь к себе женихов, накормил, угостил, да и говорит:

- Были у нас недавно молодые люди, очень хорошие и храбрые. Так те битву между собой устроили, чтобы свататься лишь тому, который последний в живых останется.

Так и думал Косарь, что гости сейчас запылают, схватятся за мечи и пойдет потасовка. Но женихи отвечали спокойно:

- Слышали мы про то. Слышали. Но ведь из боя можно выйти хромым, а хромые зятя не всякому нравятся.

Закусил Косарь себе ус, сидит думает, на женихов поглядывает и видит, что эти не так глупы, как прежние. И еще больше начал смущаться. Не миновать: есть среди них тот самый умник, которого надо бояться. Что же делать? Как их отвадить?

- Все вы хороши и благородны, - сказал им Косарь. - Всякий из вас молод и храбр, и красавцы вы все один к одному. Как же мне рассудить теперь, кто из вас лучше, кто достойнее? Без боя не могу я решить этого. Не могу, стало быть, и дочь мою, Зореньку, выдать ни за кого из вас замуж.

Но и здесь женихи не смутились. Отвечают они так Косарю:

- Если не решаешься ты, кого выбрать в зятя, то дай это сделать самой дочери своей, прекрасной Зореньке. Кого изберет она по сердцу себе, тому и быть женихом.

- Вот еще выдумали! - рассердился Косарь. - Никогда такого порядка нигде не было и у нас не будет!

- Ну, тогда жребий кинем. К кому судьба благосклонна, тому и быть женихом.

"Вот привязались! - подумал Косарь. - Ладно же! Покажу я вам уже вашу судьбу. Останетесь довольны!"

И ответил им громко:

- Хорошо. Будь по-вашему. На судьбу так на судьбу!

Молодые люди обрадовались: кто-нибудь из них всё же станет женихом и мужем красавицы Зореньки! Поднялись они, громко заговорили. Лица их разгорелись, глаза заблестели, и радостям их не было бы конца, если б Косарь не придумал добавить маленькое условие.

- На всё согласны! - вперед решили они, не выслушав даже, в чем дело.

А дело было вот в чем. Ведь царская дочь - не копна сена, не мешок крупы, не овца из отары, чтобы ставить ее на жребий. Эдак соседние цари уважение к Косарю потеряют, скажут: единственную дочь, и ту замуж не сумел выдать. Поэтому - судьба судьбой, а достоинство достоинством.

- Не дешево только вам это обойдется, друзья мои. Вон первые женихи своей жизни не пощадили: на поединок вышли. Поэтому я так теперь решаю: кто хочет жребий тянуть, тому одно из двух предстоит: либо Зореньку в невесты, либо голову с плеч долой. А то мне будет зазорно перед соседями!

Разгорячились молодые люди, не сообразили они всей опасности - и согласились.

На другой же день назначено было тянуть жребий.

На самом крутом берегу, высоко над рекой, на обрыве, выстроили помост, украсили его коврами, ширинками и цветами. Разбили возле помоста три шатра: посредине из золотой парчи для царя Косаря; по левую сторону его серебряный для придворных свидетелей и по правую - радужный, для женихов. Дружинникам, гостям и зрителям отвели места на лугу, позади шатров, полукружием. А по ту сторону, где была самая кручь над рекой, стояла одинокая красная скамейка для палача, чтобы сразу всякий видел, что собираются здесь не шутки шутить, а дело делать серьезное. Чтобы всякий знал, на что он идет: либо жениться, либо с кручи вниз головой валиться!

III

В назначенный час затрубили в трубы и начали собираться на свои места все участники. На помосте утвердили стол, а на столе золотой сосуд и покрыли его пеленой. Подошел и сел на свою красную скамейку впереди помоста палач, бывший разбойник, здоровенный детина с засученными рукавами и расстегнутым воротом рубашки. Но прежде чем сесть, он попробовал ногой доску, широкую и длинную, которая лежала одна поверх помоста и покачивалась на толстом бревне, точно весы или качели. Попробовал палач доску и успокоился.

Опять затрубили трубы, и вышел глашатай. Поднялся торжественно на помост, поклонился и громко заговорил:

- По приказу царя Косаря опущены на дно сего сосуда два камешка, оба одинаковые; только один из них светлый, как божья роса, а другой алый, как кровь. Кто вытащит светлый камень, тому отдает царь Косарь в жены прекрасную свою Зореньку, а ежели вытянет алый камень, пусть не прогневается: того в тот же миг спустит палач с этой кручи прямо на дно реки. Если есть охотники посвататься, пусть подходят в очередь и попытают судьбу свою. Царь Косарь никого не неволит. А уж если кто подойдет да вынет из сосуда камешек, тому будет то, что сказано!

Затрубили опять трубы, и из радужного шатра вышел высокий молодой человек, одетый в праздничные одежды. С улыбкой подошел он к помосту и сказал глашатаю:

- Я желаю попытать счастье!

- Входи, - ответил глашатай.

Молодой человек поднялся на помост. С другого конца поднялся на помост палач. У зрителей сильнее забились сердца.

Юношу поставили на самый конец доски, и она перестала качаться. С одного бока подошел к нему палач с тяжелой железной цепью в руках, а с другого бока подошел глашатай с золотым сосудом. Палач надел жениху на шею цепь и обвинил его грудь ему крест-накрест и завязал узлом на спине. А глашатай поднес сосуд и чуть приподнял пелену, чтобы могла только пройти в чашу рука.

- Счастье либо смерть, - сказал он спокойно юноше. - Вынимай.

- Конечно, счастье! - улыбаясь, воскликнул юноша и, зажмурив глаза, опустил по локоть руку на дно сосуда, где и выбрал роковой камень.

Все затаили дыхание, когда рука его под пеленою начала возвращаться из чаши.

Когда он высвободил руку и развернул ладонь, лицо его сразу побледнело и глаза словно остановились.

На ладони лежал красный камень.

Ничего не успел он еще и выговорить, как глашатай махнул пеленой в сторону палача. Палач изо всей силы рванул доску с другого конца - и юноша, опутанный железными цепями, не успев даже вскрикнуть, полетел с обрыва вниз, в глубокую реку, и только широкий круг по воде на мгновение указал место, где он упал.

Солнце сияло; чирикали вокруг птицы. И вновь затрубили трубы.

Из радужного шатра вышел другой молодой человек и сказал глашатаю:

- Может быть, я буду счастливее.

Глашатай положил обратно в сосуд красный камешек и ответил:

- Может быть, будешь счастливее. А может быть, и не будешь. Вынимай. Увидим.

И со вторым юношей случилось то же, что с первым.

Когда опять затрубили призывом трубы, из радужного шатра вышли сразу все оставшиеся там трое и сказали Косарю, что жребий отнимает очень много времени, что сегодня им недосуг и что они приедут в следующий раз вынимать камешки.

Царь Косарь своей выдумкой был очень доволен и сам себе весь вечер всё говорил:

- Ну и царь Косарь!.. Ну и умная голова!..

IV

Так и повелось это далее. Когда приезжал кто-нибудь свататься, ему объявляли условия - и он либо бежал без оглядки, покуда цел, либо тянул жребий и погибал в глубине реки. Вытащить светлый камень никому не удавалось.

- Что, звездочет? - радовался Косарь и мысленно торжествовал над пустынным. - Не на то небо ты, знать, глядел, когда мою судьбу видел. По печным горшкам, знать, предсказывал, а не по звездам!

Но прекрасная ясная Зоренька становилась всё грустней. Жалко ей было удачных молодцов, которые гибли из-за нее безрассудно, да и самой было скучно жить в одиночестве, с бабками да с мамками, с шутихами да с приспешницами.

Загрустила Зоренька. Ни на какое веселье не отзывается. Мамка Лукерья все средства перепробовала; наконец, привела во двор двух гусяров; один был старый и слепой, другой, поводырь, хоть и молодой, но горбатый, точно на спине у него куль овса под одеждой. Заблудились певцы, потеряли дорогу, а поют хорошо и жалостливо, обещают петь и веселого сколько угодно, - вот и привела их Лукерья; усадила, напоила и позвала Зореньку послушать.

Дивные песни знали гусяры. Поют как будто печальное, даже слезы на глаза иногда набегают, а на душе от них хорошо и легко. Что за чудеса такие!.. А когда веселое запоют, так и начинают у всех ноги притопывать, руки шевелиться, плечи подергиваться...

Понравилась Зореньке гусяры.

Велела она прийти им еще раз назавтра.

На прощанье, пока мамку Лукерью горбач забавлял и смешил рассказками, слепой старик пропел Зореньке такую песню, что она слушала и дивилась. Пел ей старик о храбром юноше, который нарядился нищим слепцом и пошел с гусями в дом красавицы девушки, чтоб полюбоваться ее красотой, и, когда увидел, полюбил ее на всю жизнь. А поутру пришел к родителям свататься. И были они с той поры счастливы до самой смерти.

Не знала Зоренька, на что и подумать.

Певцы поклонились и поплелись на ночлег под навес на скотном дворе. Обещались завтра еще попеть и позабавить.

Они ушли, а Зоренька так свою думу и не додумала. Когда уж все спать полегли и кругом всё затихло, отворила она окошко в сад, в тихую теплую душистую ночь, и долго стояла, и слушала соловья, а сама всё думала о чем-то несбыточном, вздыхала тайком от самой себя, и казалось ей, что она спит и что всё это во сне, а наяву ничего не было - ни старика слепца, ни песни его про счастливого юношу...

V

Поутру пришли опять гусяры. Никого в саду в это время не было. Мамка Лукерья уселась чулок вязать, а Зоренька велела слепцу петь вчерашнюю песенку.

Зазвенели гусли, запел старик.

Зоренька растрогалась, чуть не плачет. Вдруг видит, что слепой глядит на нее молодыми радостными глазами. А потом сдернул с себя седую бороду, скинул шапку с белыми пришитыми волосами и шепчет ей:

- Красавица!.. Зоренька!.. Осчастливь: будь моей суженой, моей любимой!

Вспыхнула в ответ Зоренька; задрожало у нее сердце, и руки, и ноги... Глядит - и глазам не верит...

Подняла глаза и Лукерья: почему пение вдруг прекратилось? Взглянула - да как заревет благим матом:

- Батюшки-светушки!.. Разбойники, мошенники!

Но Зоренька скорей зажала ей рот рукой.

- Тише, тише! Что ты, мамушка! Или ты гибели желаешь молодым певцам?

Не знает Лукерья, что теперь делать. Закричать - всех погубить; молчать себя погубить. Насилу отдышалась с перепугу.

А Зоренька всё уговаривает:

- Не кричи, мамушка. Пожалей молодцов.

Первым спохватился горбатый. Опять забренчал он громко на гусях и запел разудалую песню, будто ни с кем ничего и не случилось.

- Ступайте! Ступайте вы от греха! - зашептала Лукерья, а сама от волнения еле дышит. - Ступайте с глаз долой! Ну вас совсем!

И певцы ушли. Только не сразу. Обещали мамушке хороший подарок, когда приедут на днях свататься, а после свадьбы любовь и почет и всякое уважение.

- Да какая там свадьба! - сказала на это Лукерья. - Или не знаете вы условий царя Косаря?

- Знаю я условия царя Косаря! - воскликнул бывший слепец. - Я верю в свое счастье, и прекрасная Зоренька будет моей женой! А если не будет, так мне и жизни не надо!

Стала уговаривать и Зоренька не тянуть жребия; никто не вынимал ничего, кроме смерти.

- Пожалей себя, юноша! Не сватайся за меня, несчастную.

Потом заплакала и сказала:

- А я тебя никогда не забуду!

Но как ни убеждала его отказаться от сватовства, юноша знать ничего не хотел.

-Будешь, Зоренька, будешь женой моей любимой! Никому теперь не уступлю тебя. И камень я вытяну непременно счастливый!

Измучилась Зоренька. Сердце ее терзалось от жалости. Ведь погибнет ни за что молодец, а белого камня не вытянет. А почему?.. Да потому, что царь Косарь кладет в сосуд оба камня красные: какой ни возьми - всё равно смерть.

Долго не решалась она сказать это юноше. Сказать такое дело про родного отца!.. Как ни мучилась, как ни боялась, а все-таки решилась и сказала.

- Оба красные? - омрачился юноша и на миг заколебался: как быть?

Потом вдруг воскликнул:

- Тем лучше!

Все с удивлением поглядели на него. А он подтвердил:

- Если оба камня красные, тогда без ошибки скажу: уж теперь, Зоренька, будешь ты наверно моею невестой!

Он был так рад, так сияло его молодое лицо, точно он услышал не ужасную новость, а самое

приятное известие.

- До завтра. Зоренька!.. До завтра, милая мамушка Лукерья! Помните вашего верного и счастливого Переяслава!

И оба гусяра поспешно удалились.

VI

Трубят, гремят на крутом берегу призывные трубы.

Царь Косарь сидит перед золотым своим шатром и поглядывает на помост. А на помосте стоит глашатай с золотым сосудом и палач с тяжелыми цепями. Внизу под обрывом плещется широкая река, могила всех женихов царской дочери, носятся над быстринной белые чайки... Над головами ясное голубое небо, солнце сияет, жизнь и радость вокруг...

Из радужного шатра выходит Переяслав. Он молод и строен. Одет в скромную дорожную одежду; русые волосы кудрями рассыпались по плечам. Он очень красив и радостен. Белый душистый цветок приколот на груди; этот цветок прислала ему Зоренька - на счастье. Его верный товарищ, бывший горбун, тоже стройный и красивый юноша, идет следом за ним и останавливается у помоста, а Переяслав всходит на помост. Много знатных гостей съехались сегодня к царю Косарю; есть даже посланники соседних царей и ханов. И в золотом шатре Косаря сегодня присутствуют женщины: Зоренька, бледная как смерть, и мамушка Лукерья; у нее сердце сегодня дрожит, как осиновый лист, и дух прерывается со страху.

Зоренька глаз не сводит с золотого сосуда и с палача. Но вот пришел Переяслав, и она уж ничего и никого не видит. Трепещет вся от ужаса... И верит она Переяславу и знает в то же время, что в чаше нет светлого камня. Что Переяслав затеял? Как избежит он верной смерти - не понимает Зоренька, и душа ее болит от ожидания беды. А палач уже надевает на юношу тяжелые цепи, чтобы не выплыл.

- Либо счастье, либо смерть, - спокойно говорит глашатай, приподнимая парчу, и Переяслав опускает руку в сосуд.

Всё замерло в ожидании.

Все глаза устремились на Переяслава. Он глядит в сторону Зореньки и улыбается светлой улыбкой.

Вот потянулась рука обратно. Дело сделано. Возврата нет. Зоренька перестала дышать, ноги ее подкашиваются.

Переяслав поднял высоко руку с зажатым в ней жребием. Среди молчания и тишины раздается его твердый голос:

- Я так уверен в своем счастье, что не хочу и глядеть на камень!

И он со всего размаху бросил камень в реку.

- Какой же у тебя был? - закричал в испуге глашатай.

- Конечно, белый! - воскликнул Переяслав. - Мое счастье всегда со мной. Вынь и посмотри, какой остался в сосуде. Там должен остаться красный.

Вынули из чаши камень. Никто, кажется, не дышал, пока его вынимали. Даже царь Косарь, и тот чуть не задохся.

- Гляди! - радостно воскликнул Переяслав.

Глашатай положил на ладонь вынутый камень и громко объявил всем:

- Остался - красный.

Гром рукоплесканий встретил этот ответ. Хлопали в ладоши знатные гости, хлопали посланники соседних царей и ханов, хлопали придворные свидетели, кричали и стучали радостно зрители и дружина. А царь Косарь сидел и глядел, точно не понимал ничего: глядел направо, глядел налево и видел только одно, что все радуются и что теперь уже ничего не поделаешь:

- Напредсказал, собака-звездочет!

Зоренька бросилась отцу на шею и, рыдая от счастья, целовала его и обливала слезами.

Палач развязал цепи и с грохотом бросил их на помост.

Переяслав под звуки труб и новых рукоплесканий сошел с помоста и направился прямо к Зореньке, взял ее за руку и громко спросил Косаря:

- Отвечай при всем народе: отдашь ли мне ясную Зореньку в жены?

Опять всё затихло. Все глаза устремились на них троих. Царь Косарь снял шапку, почесал затылок и молча положил Переяславу обе руки на плечи и трижды поцеловался с ним.

И, когда целовался, успел шепнуть, чтобы никто другой не слышал:

- Ну и хитер же ты, зятюшка!

Переяслав ему в ответ тоже шепнул, когда целовался:

- Ну и ты, батюшка, тоже не промах!

На том и покончили.

Объявили помолвку, гостей пригласили и вскоре сыграли веселую свадьбу. Зореньке казалось, что счастливей ее нет никого на свете. И царь Косарь был доволен зятем, но всё же не мог примириться с мыслью, что тот у него "переем славу" самого умного человека на свете.

- На то он и Переяслав! - сказал Косарю однажды звездочет, с которым они опять встретились после охоты. - Погоди, он у тебя еще и не то переймет! Всему свое время!

Царь Косарь ему ответил:

- Ну, это ты по печным горшкам так видишь, а не по звездам!

Однако домой он вернулся не в духе и весь вечер побряхтывал и почесывал затылок, а ночью плохо спал и всё думал:

"Ах, звездочет-лиходея! Ах, собачий ты сын, чего напредсказал ты на мою голову!"